

ПРАВДА МОЖЕТ ПОКОРОИТЬ.
НО ОНА ВСЕГДА НАХОДИТ ПУТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ.

ЭГЕЙСКИЙ СЧЁТ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

ДЕЛО № 4786
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

18+

Анастасия Соколова

Эгейский счет

«Автор»

2026

Соколова А.

Эгейский счет / А. Соколова — «Автор», 2026

Два друга детства — прокурор и адвокат мафии — спустя пятнадцать лет вынуждены объединиться, чтобы остановить серийного убийцу, который копирует старые преступления. Но каждый из них скрывает тайну: именно их отцы стали первыми жертвами той давней трагедии. В погоне за правдой им предстоит пройти через предательство, смерть и собственную ненависть. Смогут ли они найти убийцу, не потеряв друг друга? И что, если настоящий злодей — тот, кому они доверяют больше всего?

© Соколова А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Соколова

Эгейский счет

ГЛАВА 1. «ПРОКУРОР»

Стамбул. Сентябрь 2016 года. 6:47 утра.

Керем Демир не спал уже третьи сутки.

Он стоял у окна своего кабинета на десятом этаже здания прокуратуры и смотрел на просыпающийся Стамбул. Город медленно выползал из ночной темноты — сначала зажглись огни на мостах, как нитки жемчуга, переброшенные через Босфор. Потом начали включаться фары первых машин, сначала редкие, потом всё более частые, пока они не слились в светящиеся реки, текущие по утрамбованным за много веков улицам. Потом задымили трубы заводов на том берегу, и запах угля и мазута смешался с утренним ветром, который нёсся сюда с Чёрного моря, остывший и влажный.

Босфор был серым, как старая фотография. Небо — таким же серым, тяжёлым, как будто собиралось пролиться дождём, но никак не решалось. Керем любил это время суток. Когда город ещё не шумит, ещё не давит своим ритмом, когда можно побыть одному, не притворяясь перед другими, не надевая маску спокойствия, которая стала его второй кожей. Он уже много лет притворялся — на работе, на встречах, на обедах с коллегами, на судебных заседаниях, на семейных праздниках, куда его всё реже приглашали. Но здесь, у окна, в этом сером предрасветном свете, он мог не играть роль.

Он провёл рукой по лицу. Щетина колола ладонь — он не брился два дня, потому что некогда было, потому что смысла не было, потому что в последнее время ему казалось, что если он перестанет работать хотя бы на час, то все его мысли, все те тени, которые он так тщательно прятал в глубине сознания, вылезут наружу и поглотят его. Дни сливались в один бесконечный поток дел, допросов, бумаг, заседаний и бессонных ночей. Но это было лучше, чем оставаться наедине с тем, что приходило к нему в тишине.

В тишине приходили они — его отец, его мать, его прошлое.

Он сжал переносицу и прикрыл глаза на секунду. Этого было достаточно, чтобы перед его внутренним взором всплыла та картина — жара 2001 года, Бодрум, запах гниющей рыбы на берегу и тело его матери, завёрнутое в белую простыню, с аккуратно подвернутыми краями, как будто кто-то с любовью запеленал её и положил на песок, чтобы волны накрыли её, как одеялом. Он был тогда мальчишкой. Он стоял на коленях на мокром песке и не мог кричать, потому что крик застрял в горле, скованный ужасом и неверием. А рядом стояли полицейские и курили, и разговаривали о футболе, как будто тело на пляже — это не женщина, не чья-то мать, не его мать, а просто очередной труп, который нужно убрать до того, как приедут туристы.

Он открыл глаза и тряхнул головой. Он не мог позволить себе это сейчас. Не мог позволить себе проваливаться в воспоминания, когда работа ждала.

На столе, заваленном папками, лежал нетронутый завтрак — стакан остывшего чая и сухое печенье в упаковке. Он даже не помнил, когда принёс их сюда. Может быть, вчера утром.

А может быть, позавчера. Сон и голод стали его постоянными спутниками, такими же привычными, как запах кофе в коридорах прокуратуры и вечный шум печатающих машинок в приёмной.

Керем подошёл к столу и сел в кресло. Кожаное, старое, продавленное на сиденье — он сидел в нём так много часов, что оно приняло форму его тела. Он пододвинул к себе папку с надписью «ДЕЛО № 47» — красную, потёртую, с выцветшими чернилами. В ней лежали копии документов, которые он выкрал из архива на втором курсе юридического факультета, когда проходил практику. Он знал, что должен был вернуть их. Знал, что если бы кто-то проверил архив, его бы исключили из университета, а потом и из жизни, потому что эти бумаги были слишком опасными. Но он не вернул. Он спрятал их в старый сейф в своей квартире, который купил на последние сбережения, и перечитывал каждую ночь, как молитву.

Он открыл папку. На первой странице была фотография — чёрно-белая, сделанная на пирсе в Бодруме. На ней стояли три человека. Один из них — его отец. Мехмет Демир в лёгкой рубашке с закатанными рукавами, с тем же упрямым изгибом бровей, что и у самого Керема. Рядом с ним стоял мужчина постарше, с добрыми глазами и лёгкой улыбкой — Онур Ыылмаз, отец Дениза. Третий — тот, чьё лицо было размыто движением, как будто он повернул голову в тот момент, когда щёлкнул затвор камеры. Но Керем знал, что у этого человека были золотые часы «Патек Филипп» на левом запястье. Он знал, потому что эти часы он видел на другом снимке — на фотографии комиссара Түрана, сделанной на церемонии награждения в 2002 году, через год после смерти отца.

Он перелистнул страницу и наткнулся на записку, написанную отцовским почерком — аккуратным, чуть наклонным вправо, с длинными хвостиками у букв.

«Я звоню Онуру. Он знает адвоката, который может помочь. Встреча завтра в 8 утра. Если со мной что-то случится — открой коробку в гараже. Там всё, что я собрал. И запомни: ВТОРОЙ — В ПОЛИЦИИ.»

Керем провёл пальцем по пожелтевшей бумаге. Чернила выцвели, но буквы всё ещё читались. Он знал этот текст наизусть. Он перечитывал его тысячи раз за пятнадцать лет. И каждый раз в груди разливалась та же боль, та же злость и та же решимость найти того самого «второго» — человека, который предал его отца, который пришёл на пирс, чтобы встретиться с ним, но вместо этого оставил его умирать в тёмной воде.

Телефон на столе завибрировал. Керем взглянул на экран — высветилось имя Ахмета, следователя из оперативного отдела, с которым он работал последние пять лет. Он взял трубку.

— Прокурор Демир, — сказал он своим обычным сухим голосом, тем, который он выработал за годы работы, чтобы никто не мог прочесть его эмоции.

— Керем, это Ахмет, — голос на том конце был взволнованным, срывающимся. — У нас проблема. Серьёзная проблема. В Бодруме, в отеле «Бодрум Палас», нашли тело. Женщина, молодая, лет двадцати пяти. Завёрнута в белую простыню.

Керем замер. Сердце, которое только что билось ровно и спокойно, пропустило один удар, потом другой, а затем забилось с бешеной скоростью, как будто внутри него проснулся дикий зверь, запертый в клетку.

— Что ты сказал? — переспросил он, стараясь сохранить ровный тон. Голос предательски дрогнул. — В какую простыню, Ахмет?

— В белую, — повторил Ахмет, и в его голосе прозвучала тревога. — И на тумбочке — белая роза. Стеклянная ваза. Одна роза, Керем. Ты понимаешь, о чём я говорю?

Керем закрыл глаза. Перед ним снова всплыла та картина — июль 2001 года, жара, запах гниющей рыбы на берегу, и тело его матери, завёрнутое в такую же белую простыню. Такая же аккуратность, такие же подвернутые края. Та же белая роза. Будто кто-то хотел сделать из неё куклу, запеленать её и отдать морю. Будто кто-то хотел послать сообщение — не полиции, не следователям, а именно ему, Керему.

— Я выезжаю, — сказал он, и голос его стал твёрже, холоднее. — Никого не пускайте на место преступления. Пусть всё остаётся так, как есть. Я буду через четыре часа. Кто-нибудь трогал тело?

— Нет, — ответил Ахмет. — Мы оцепили весь шестой этаж. Никто не входил, кроме горничной, которая нашла тело, и дежурного полицейского.

— Горничную изолируйте. Никаких допросов до моего приезда.

— Сделаю.

Керем сбросил звонок и на секунду замер, глядя на телефон. Его руки дрожали. Он убрал их под стол, сжал в кулаки, так что ногти впились в ладони, и заставил себя дышать глубоко, ровно, как учили в академии. Он не мог позволить себе развалиться сейчас. Он должен был собраться, взять себя в руки и сделать то, что делал всегда — работать.

Он встал, накинул пиджак — старый, потёртый на локтях, с пятнами от кофе на рукаве, который он никак не мог отстирать. Взял ключи от машины, дипломат с документами и быстро вышел из кабинета.

В коридоре его окликнул помощник — молодой парень с вечно испуганным лицом, который работал у него второй месяц и всё ещё не привык к бешеному ритму жизни прокурора.

— Господин Демир, у вас совещание через час! — крикнул он, пытаясь догнать его.

— Отмени, — бросил Керем, не оборачиваясь. — Я уезжаю в Бодрум. Вернусь через два дня.

Он вошёл в лифт и нажал кнопку первого этажа. Когда двери закрылись и он остался один, он прислонился к стене и закрыл глаза. В его голове крутились обрывки мыслей, как обломки корабля во время шторма — Бодрум, белая простыня, белая роза, Дениз, отец, мать, чёрная машина на пирсе, золотые часы на запястье незнакомца.

Он должен был ехать.

На первом этаже он прошёл через турникеты, не глядя на охранников, которые привычно махнули ему, узнавая в лицо. Вышел на улицу, где его встретил свежий утренний ветер, пахнувший бензином и рекой. Стамбул уже проснулся — вокруг шумели машины, кричали продавцы симитов с лотков, бегали люди, куда-то опаздывая. Керем сел в свою машину — старый «Рено», который он купил три года назад на распродаже — и завёл двигатель.

Дорога до Бодрума заняла почти четыре часа.

Он ехал молча, без радио, без музыки, без мыслей. Он просто смотрел на дорогу, которая извивалась между холмами, поднималась и опускалась, проходила через маленькие деревушки с домами, выкрашенными в белый и голубой цвета, мимо полей с подсолнухами, мимо апельсиновых рощ, мимо рек, пересохших к концу лета. Он старался ни о чём не думать, но воспоминания настигали его, как тени на закате.

Он вспоминал, как они с отцом ходили на рыбалку. Как отец учил его различать виды рыб по форме плавников и по цвету чешуи, как завязывать узлы на леске так, чтобы они не развязывались даже под тяжестью крупного тунца, как читать погоду по облакам, по тому, как ветер гнёт верхушки сосен на холмах. Мехмет Демир был тихим человеком, с мягким голосом и добрыми глазами, но его глаза всегда светились, когда он рассказывал о море. Он говорил: «Сынок, море помнит всё. Оно не забывает. И однажды оно вернёт нам то, что мы потеряли».

Керем тогда не понимал, что это значило. Он был ребёнком. Он думал, что отец говорит о рыбе, о сокровищах, которые уносит волна. Но теперь он знал — отец говорил о правде. О том, что рано или поздно она всплывёт на поверхность, как утопленник, и нельзя будет сделать вид, что её не видели.

Он въехал в Бодрум в полдень.

Город встретил его знакомым запахом моря, сосен и жареной рыбы. Всё здесь было таким же, как пятнадцать лет назад — те же узкие улочки, те же белые дома с синими ставнями и горшками красной герани на подоконниках, те же пальмы на набережной, чьи листья шелестели на ветру. Только он стал другим. Старше на пятнадцать лет. Жёстче. И намного опаснее для тех, кто стоял за смертью его родителей.

Он припарковался у отеля «Бодрум Палас» — роскошного пятиэтажного здания с колоннами из белого мрамора и фонтаном у входа, где вода журчала по каменным ступеням. Керем помнил это место — когда-то здесь был старый рыбный ресторан, принадлежавший отцу Дениза Йылмаза, тот самый, где отец Керема любил заказывать жареную барабулю и запивать её холодным айраном. Теперь здесь стоял фешенебельный отель, принадлежащий Кенану Карадже, племяннику и наследнику Рамиза Караджи — того самого человека, который, по документам, был главным организатором торговли людьми в Бодруме.

Ирония судьбы была горькой.

Керем прошёл внутрь. В холле пахло дорогим парфюмом и цветами — огромными букетами лилий и орхидей в вазах на журнальных столиках. Портье в идеально сидящей форме поклонился ему, но Керем не ответил на приветствие. Он поднялся на шестой этаж, прошёл по коридору, покрытому бежевым ковролином с геометрическим узором, и остановился у дверей номера 612.

Полицейские оцепления расступились, узнавая его. Молодой лейтенант, который стоял у двери, вытянулся, отдавая честь.

— Господин прокурор, — сказал он, — внутри вы должны увидеть это сами. Мы ничего не трогали, как вы приказали. Горничная сидит внизу, мы её изолировали.

Керем кивнул, не глядя на него. Он положил руку на дверную ручку — холодный металл обжёг ладонь — и толкнул дверь.

Внутри было полутемно. Шторы задернуты, и только тонкая полоска света пробивалась сквозь щель, освещая пылинки, танцующие в воздухе. Керем перешагнул порог и увидел кровать.

На ней лежало тело, завёрнутое в белую простыню. Женское тело. Молодое, гибкое, с длинными тёмными волосами, разметавшимися по подушке, как водоросли на морском дне. Простыня была аккуратно сложена, края подвернуты внутрь — так же, как он видел это много лет назад. На тумбочке стояла стеклянная ваза, а в ней — одна белая роза. Ещё живая, ещё пахнущая, с капельками воды на лепестках.

Керем медленно подошёл к кровати. Он остановился в полуметре от тела и посмотрел на него. Женщина была молодой — не больше двадцати пяти, с правильными чертами лица, гладкой кожей и полуоткрытыми губами, как будто она хотела что-то сказать перед смертью. На её левом запястье он заметил тонкий белый шрам — почти незаметный, но узнаваемый. Он знал такие шрамы. Они остаются у людей, которые пытались сбежать, которых держали в неволе, прикованными к батареям или к кроватям.

Он опустил на корточки, чтобы рассмотреть шрам лучше. Потом перевёл взгляд на простыню. Он хотел поднять край, но знал, что это может повредить улики. Вместо этого он просто смотрел.

— Кто ты? — прошептал он. — Кто сделал это с тобой?

Но женщина не отвечала. Её глаза были закрыты, лицо спокойно, как у человека, который наконец нашёл покой после долгих страданий.

Керем встал и подошёл к окну. Он отодвинул штору и посмотрел на море. Оно было синим, спокойным, красивым, как на открытке. Солнце отражалось в его глади, играя на волнах. И в этом было что-то неправильное, чуждое — такой красивый день и такая страшная смерть.

Телефон в кармане завибрировал. Он достал его и прочитал сообщение от Ахмета:

«Керем, я проверил дело пятнадцатилетней давности. Тело твоей матери нашли в той же простыне. Та же роза. Тот же способ заворачивания. Это не совпадение. Кто-то хочет, чтобы ты вспомнил.»

Керем убрал телефон в карман и закрыл глаза.

— Я помню, — прошептал он. — Я никогда не забывал.

Он вышел из номера и направился вниз, в холл. Там он увидел горничную, сидящую на стуле в углу. Она была маленького роста, с испуганными глазами, в синей униформе и белом переднике. Она смотрела в одну точку и не мигала, как кукла.

Керем подошёл к ней и присел рядом, чтобы оказаться на её уровне.

— Лейла? — спросил он тихо. — Это ваше имя?

Горничная медленно повернула голову и посмотрела на него. В её глазах был страх, но и что-то ещё — любопытство, облегчение, как будто она ждала, что кто-то приедет и всё объяснит.

— Вы из полиции? — спросила она дрожащим голосом.

— Я прокурор, — ответил Керем. — Меня зовут Керем Демир. Я здесь, чтобы помочь. Расскажите мне, что вы видели.

Лейла начала рассказывать. Голос её срывался, она запинаясь, но она говорила. О том, как пришла убирать номер 612, потому что портье сказал, что он свободен. О том, как вошла и включила свет. О том, как увидела тело на кровати. О том, как вспомнила белую простыню, которую видела пятнадцать лет назад, когда работала уборщицей на пляже в Бодруме.

— Я видела её, — сказала она, и её голос стал твёрже, будто воспоминания придали ей сил. — Я видела женщину на пляже. Завёрнутую в такую же простыню. И эту розу. Я запомнила всё. Я не знала, что это ваша мать. Я просто убирала пляж, чтобы туристы не видели. Но я запомнила эту простыню.

Керем смотрел на неё, и ему казалось, что время остановилось. Он снова был там, на том пляже, пятнадцатилетним мальчишкой, стоящим на коленях в мокром песке.

— Вы помните, кто нашёл её? — спросил он.

— Полиция, — сказала Лейла. — Они приехали утром. Их было трое. Один из них был старшим. Он носил золотые часы.

Керем замер. Золотые часы. Те же самые, что на фотографии. Те же, что у комиссара Турана.

— Спасибо, — сказал он, положив руку на её плечо. — Вы очень помогли.

Он встал и вышел из отеля на набережную. Ветер дул с моря, принося запах соли и водорослей. Керем стоял на краю пирса и смотрел в воду. Пятнадцать лет назад он стоял здесь с Денизом. Они были мальчишками, они не понимали, что происходит. Они смотрели на чёрную машину, которая остановилась у пирса, и видели, как из неё вышел мужчина в золотых часах. Они не знали, что это значит.

Теперь он знал. Теперь он знал, что они оба были свидетелями того, как судьба забирает их отцов.

Он достал телефон и набрал номер, который помнил наизусть, хотя не звонил по нему десять лет. Гудки. Три. Четыре. Пять. Шесть.

— Алло? — Голос на том конце был хриплым, сонным, но в нём чувствовалось напряжение.

— Дениз, — сказал Керем. — Это я.

На том конце повисла тишина. Потом Дениз сказал медленно, с расстановкой:

— Керем? Ты звонишь мне спустя десять лет. Что случилось?

— В Бодруме убили женщину. Завернули в белую простыню. Положили белую розу на тумбочку. Как мою мать.

Снова тишина. Только дыхание Дениза стало быстрее, прерывистее.

— Ты там? — спросил он наконец.

— Да. Я в Бодруме.

— Где?

— На пирсе.

— Я буду через час, — сказал Дениз. — Не уезжай.

Он сбросил звонок.

Керем убрал телефон и снова посмотрел на море. Где-то там, на дне, лежали тела его родителей. И где-то там, в городе, жил человек, который знал правду.

Он найдёт его. Чего бы это ни стоило.

ГЛАВА 2. «ПИСЬМО»

Дениз Йылмаз сидел в своём номере в отеле «Бодрум Палас» и смотрел на пустой стакан из-под виски.

Стакан стоял на стеклянном столике у окна, и сквозь его прозрачные стенки просвечивал серый свет стамбульского утра. За окном, далеко внизу, шумела набережная — кричали чайки, хлопали дверцы машин, смеялись туристы, которые не знали, что в номере на шестом этаже лежит мёртвая женщина, завернутая в белую простыню. Дениз смотрел на стакан и не мог оторвать взгляда. Ему казалось, что если он посмотрит в другую сторону, то всё это станет реальностью, а не дурным сном.

Но это был не сон. Это была реальность. И он знал это, потому что его телефон разрывался от звонков уже третий час подряд — Кенан Караджа требовал объяснений, полиция требовала его присутствия, адвокаты требовали инструкций. А он сидел и смотрел на пустой стакан, пытаясь понять, как его жизнь дошла до этого момента.

Он провёл рукой по лицу. Ладонь была влажной от пота, пальцы дрожали. Он не спал уже двое суток — сначала были дела, потом был звонок от Керема, потом этот звонок, который перевернул всё. Он не мог уснуть. Он не мог есть. Он мог только сидеть и смотреть на пустой стакан, в котором когда-то плескался дорогой виски, купленный в баре отеля за двести лир.

Дениз встал и подошёл к окну. Он отодвинул штору и посмотрел на набережную. Внизу, на волнорезе, стоял Керем. Дениз видел его фигуру — высокую, напряжённую, одинокую. Он стоял на том самом месте, где они стояли пятнадцать лет назад, когда были мальчишками, и смотрели на чёрную машину, которая остановилась у пирса.

Дениз закрыл глаза и перенёсся в прошлое.

Бодрум, 2001 год. Август. Жара такая, что воздух дрожит над асфальтом. Они сидят на пирсе, болтая ногами над водой. Керем сжимает в руке книгу по юриспруденции, которую нашёл в библиотеке отца, и цитирует отрывки вслух, пытаясь звучать как взрослый. Дениз смеётся над ним и бросает камешки в воду, считая круги. Вдруг они слышат шум мотора. К пирсу подъезжает чёрная машина — «Мерседес» с тонированными стёклами. Из неё выходит мужчина в костюме. На его запястье сверкают золотые часы. Он идёт к ресторану, где работают их отцы. Они смотрят друг на друга — Керем с испугом, Дениз с любопытством. Они ещё не знают, что этот человек войдёт в их жизнь как смерть.

Дениз открыл глаза и провёл рукой по стеклу. За окном всё тот же серый день, всё та же набережная, всё тот же Керем, стоящий на пирсе. Ничего не изменилось. И всё изменилось.

Он подошёл к столу и взял конверт, который лежал у него в дипломате уже пятнадцать лет. Старый, пожелтевший, с выцветшими чернилами на обратной стороне. Он получил его через месяц после смерти отца — бабушка нашла письмо в старом словаре, который отец держал на книжной полке и никогда не открывал. Словарь был на французском, и бабушка не могла прочитать ни слова, но письмо она прочитала. И спрятала на дне комода, чтобы Дениз не нашёл его слишком рано. Но он нашёл. Он всегда находил то, что было от него спрятано.

Он развернул бумагу. Она была исписана аккуратным, чуть дрожащим почерком отца — тем самым почерком, который он узнавал среди тысяч других, потому что отец учил его писать каллиграфическим шрифтом, когда он был маленьким, и говорил: «Почерк — это зеркало души. Если твоя душа ровная, то и почерк будет ровным». У отца почерк был ровным, даже сейчас, даже в этом письме, написанном перед самой смертью.

«Дениз, мой мальчик.

Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Я знал, что так случится, когда согласился помочь Мехмету. Но я не мог иначе. Мы с ним были братьями не по крови, а по духу. Мы прошли вместе войну, мы прошли вместе голод, мы прошли вместе смерть. И когда он сказал мне, что в контейнерах — живые люди, что их продают, как скот, я понял, что не смогу спать спокойно, если отвернусь.

Мы нашли доказательства. Фотографии, списки, банковские переводы. Всё указывает на Рамиза Караджу и ещё одного человека — высокопоставленного полицейского. Мы не знаем его имени, но он носит золотые часы «Патек Филипп». Мы видели его на пирсе. Он приезжал на чёрном «Мерседесе» с номерами полиции Стамбула.

Мы должны были встретиться с ним через два дня, чтобы передать копии документов. Но я не верю, что этот человек захочет нас слушать. Я подозреваю, что он причастен к смерти тех людей из контейнера. Мы ошиблись, доверившись ему.

Керем — хороший парень. Он похож на своего отца — упрямый, честный, немного наивный. Ты должен держаться рядом с ним. Только вместе вы сможете докопаться до правды. Но будьте осторожны. Эти люди не остановятся ни перед чем.

Я люблю тебя, сын. Я горжусь тобой. Прости, что я не смог быть с тобой рядом.

Твой отец, Онур.»

Дениз перечитал письмо в сотый раз. Он знал каждое слово наизусть. Знал, где отец поставил точку, а где запятую, знал, где чернила расплылись от слезы, упавшей на бумагу. Он знал, что его отец любил его, и что он умер, защищая правду.

Но он также знал, что Керем не был рядом. Керем уехал в Анкару. Керем поступил в юридический, стал прокурором, забыл о том, что они поклялись найти правду вместе. Он оставил Дениза одного в этом городе, в этом аду, где каждый день приходилось смотреть в глаза тем, кто убил его отца.

Дениз аккуратно сложил письмо и убрал его обратно в конверт. Он спрятал конверт во внутренний карман пиджака, как делал всегда, когда чувствовал, что ему нужна поддержка. Потом взял телефон и набрал номер Кенана Караджи.

Тот взял трубку после первого гудка, как будто ждал звонка.

— Дениз, — голос Кенана был холодным, как лёд. — Ты знаешь, что произошло в моём отеле?

— Я знаю, — ответил Дениз. — Тело нашли сегодня утром. Горничная вызвала полицию. Керем Демир уже на месте.

— Керем Демир? — переспросил Кенан. — Тот самый прокурор, который сидит на моём хвосте уже два года?

— Да, — сказал Дениз. — Он друг моего детства.

— Я знаю, кто он такой, — голос Кенана стал жёстче. — Я знаю всё о тебе, Дениз. Я знаю, что твой отец дружил с его отцом. И я знаю, что ты хранишь какие-то старые бумаги, которые могут мне навредить.

Дениз замер. Сердце забилося быстрее. Как Кенан мог знать о письме? Кто ему сказал?

— Я ничего не храню, — сказал он, стараясь говорить ровно. — У меня нет никаких бумаг.

— Не ври мне, — сказал Кенан. — Я знаю всё, что происходит в этом городе. И я знаю, что ты сегодня ночью разговаривал с Керемом по телефону. Что вы договорились встретиться на пирсе.

Дениз почувствовал, как по коже пробежал холодный пот. Кенан следил за ним. У него были люди, которые докладывали ему о каждом шаге.

— Что ты хочешь? — спросил Дениз.

— Я хочу, чтобы ты уладил это дело, — сказал Кенан. — Я хочу, чтобы ты поговорил с этим прокурором и убедил его, что это убийство не имеет отношения ко мне. Что оно не имеет отношения к моему бизнесу. Если ты не сделаешь этого — я буду вынужден принять меры.

— Какие меры? — спросил Дениз, хотя уже знал ответ.

— Ты знаешь, какие, — сказал Кенан. — У тебя есть два дня.

Он сбросил звонок.

Дениз стоял, прижимая телефон к уху, и слушал короткие гудки. Два дня. У него было два дня, чтобы спасти себя и Керема. Если он не успеет, Кенан убьёт их обоих.

Он подошёл к окну и посмотрел на набережную. Керем всё ещё стоял на пирсе. Он не ушёл. Он ждал.

— Дурак, — прошептал Дениз. — Ты всегда был дураком, Керем.

Но он знал, что должен пойти к нему. Должен сказать ему правду. Должен показать ему письмо. Должен сделать то, что они должны были сделать пятнадцать лет назад.

Он надел пиджак, взял ключи от машины и вышел из номера.

В коридоре его ждала тишина — никого не было. Только запах дезинфекции, которым уборщики пытались перебить запах смерти, витал в воздухе. Дениз прошёл к лифту и нажал кнопку. Когда двери открылись, он вошёл внутрь и прислонился к стене.

Поездка на первый этаж заняла всего несколько секунд, но ему показалось, что прошла целая вечность. Он вышел в холл и направился к выходу.

На улице его встретил яркий солнечный свет, и он прищурился. Чайки кричали над головой, машины гудели на дороге, а вдалеке, на пирсе, стоял Керем.

Дениз пошёл к нему. Он шёл медленно, но каждый шаг приближал его к прошлому, к тому, что он так долго пытался забыть.

Когда он подошёл, Керем обернулся. Их взгляды встретились.

— Привет, — сказал Дениз тихо.

— Привет, — ответил Керем.

— Ты не изменился, — сказал Дениз. — Всё такой же серьёзный. Как в детстве.

— А ты изменился, — сказал Керем. — Ты стал адвокатом мафии.

— Я стал адвокатом правды, — ответил Дениз. — Я работаю на тех, кто платит. Так же, как и ты работаешь на систему, которая защищает преступников. Мы с тобой не так уж и разные.

Керем хотел что-то сказать, но Дениз перебил его.

— Я пришёл, чтобы показать тебе это, — сказал он, доставая из внутреннего кармана конверт. — Письмо моего отца. Там написано о том, что произошло той ночью.

Керем взял конверт дрожащими руками. Он открыл его и начал читать. Пока он читал, его лицо менялось — сначала удивление, потом боль, потом гнев.

— Почему ты не показал мне это раньше? — спросил он.

— Потому что я боялся, — ответил Дениз. — Я боялся, что если я покажу тебе это, ты полезешь в это дело с головой. И тебя убьют. Как убили моего отца.

— Теперь я уже внутри этого дела, — сказал Керем. — И я не остановлюсь.

Дениз вздохнул.

— Я знаю, — сказал он. — Поэтому я здесь.

Они стояли на пирсе, и ветер с моря трепал их волосы. Два друга, которые прошли через ад, и теперь должны были пройти через него снова.

— Что мы будем делать? — спросил Керем.

— Мы найдём того, кто убил эту женщину, — сказал Дениз. — И мы найдём тех, кто убил наших отцов.

Керем кивнул.

— Тогда пойдём, — сказал он.

Они развернулись и пошли с пирса в город. Над ними кружили чайки, а вдалеке, в порту, грузились контейнеры — те самые, которые когда-то стали причиной смерти их отцов.

Этот день должен был всё изменить.

ГЛАВА 3. «АДВОКАТ МАФИИ»

Дениз Йылмаз не знал, что такое страх до восемнадцати лет.

Он вырос в Бодруме, в маленьком белом доме с синими ставнями, где пахло рыбой, морем и мамиными духами «Шанель», которые она покупала раз в год на свой день рождения. Его отец был адвокатом — не самым богатым, но самым честным в городе, как говорили соседи. Онур Йылмаз брался за дела, от которых отказывались другие, защищал рыбаков, которых обманывали судовладельцы, помогал бедным семьям оформлять документы на землю, и никогда не брал лишних денег. Он говорил Денизу: «Сынок, у адвоката есть только одно оружие — правда. Если ты потеряешь её, ты потеряешь всё».

Дениз верил отцу. Он верил в правду, в справедливость, в то, что мир устроен правильно, что рано или поздно зло будет наказано, а добро восторжествует. Он верил в это до того самого дня, когда его отец ушёл на встречу с другом Мехметом и не вернулся.

Тот день Дениз запомнил навсегда.

Было жарко. Очень жарко — даже для августа. Воздух дрожал над асфальтом, и казалось, что сам город плавится под солнцем. Дениз сидел на крыльце дома и чинил старый велосипед, который нашёл на свалке. Он уже почти закончил, когда услышал крик матери. Она стояла в дверях, держа телефон в руке, и её лицо было белым, как бумага.

— Дениз, — сказала она, и голос её дрожал. — Твой отец... твой отец не вернулся.

— Как не вернулся? — переспросил он. — Он же пошёл на встречу с дядей Мехметом. Они должны были вернуться к ужину.

— Их лодку нашли перевернутой, — сказала мать, и слёзы потекли по её щекам. — В двух милях от берега. Тела не нашли.

Дениз не мог поверить. Он встал, отбросил велосипед и побежал к пирсу. Он бежал так быстро, как никогда в жизни. Ветер бил в лицо, слёзы застилали глаза, но он бежал. Он должен был увидеть это своими глазами. Должен был понять, что это правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.